

© 2004 г. С.В. АНДРЕЕВА

ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ РЕЧИ

Наши грамматические понятия в течение долгого времени складывались под влиянием письменной речи, и основной коммуникативной и синтаксической единицей считалось предложение-высказывание. На современном этапе развития науки о языке в результате активного изучения продуцируемой устной речи установлено, что переносить закономерности письменной речи на речь устную неправомерно, так как разная психодинамика зрения и слуха, разное производство речи обуславливают кардинальное различие между этими формами речи. Сделан важный вывод о том, что у устной речи, особенно в разговорной ее сфере, “своя грамматика”. По мере продвижения в эмпирических исследованиях мы приближаемся к грамматике речи, то есть к тем законам, по которым строится речь, а в конечном счете – к лингвистике речи, раскрывающей закономерности как построения, так и функционирования речевых единиц.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что до сих пор обсуждается вопрос, существует ли устная форма речи как какой-то единый объект. Согласно одной концепции (Е.А. Земская), противопоставлены разговорная речь и кодифицированный литературный язык, состоящий как из письменных разновидностей, так и из устно-литературной речи “за вычетом” разговорной. По другой теории (О.А. Лаптева), вся устно-литературная речь, включая разговорную, как целостное образование противопоставлена письменным разновидностям литературного языка. В любом случае правомерно говорить о системе устной речи, имеющей свою специфику. Изучение разговорной синтагматики в парадигматическом плане способствует выделению в ней “разговорного остатка” (Г.Г. Инфантова). В связи с этим, как полагает О.А. Лаптева, поиск системности в речи, уточнение вопроса о языковой и речевой системности и их соотношении – это принципиальный для современного теоретического языкознания вопрос. Необходимо четко увидеть а) существование речевой системности в отличие от языковой, б) ее специфику в отличие от языковой, в) ее внутреннюю неоднородность [Лаптева 1999: 5–6].

В результате изучения устной речи выяснено, что наряду с предложениями-высказываниями, несущими предикативно организованную информацию, единицей речи становится и сегмент – часть предложения, обладающая свойством не только фокусировать внимание на определенных участках речевого потока, но и выполнять функцию самостоятельной коммуникативной единицы. Исследователи определили статус речевого сегмента как единицы не категориальной, а функциональной и в известном смысле строевой [Лаптева 1984: 188–189].

Предметом нашего исследования была устно продуцируемая речь (проанализирован материал собственно разговорной речи, телевизионные ток-шоу, спонтанные публичные монологи, радиоречь ведущих и т. д. общим объемом 40 тысяч единиц). В связи с качественным своеобразием элементарных структур речи возникает необходимость их теоретического определения и исследования как единиц синтаксиса устной речи. Мы исходим из понятия **конструктивно-синтаксической единицы** как на и м е н ь ш е й структурной единицы, функционирующей самостоятельно или в составе более сложных единиц и в письменной, и в устной речи. В силу того что система высказываний “строится на пересечении двух координат: вертикальной (от языка – к ре-

чи) и горизонтальной (в плоскости речи)" [Юрченко 2000: 218], конструктивно-синтаксические единицы одной своей стороной обращены к языку, а другой – к речи. Поскольку речевое и языковое существуют в органическом единстве, можно говорить о двуплановости этих единиц: в них происходит соединение (слияние) конструктивно-синтаксических (это элементы синтаксического уровня языка) и коммуникативно-прагматических (это компоненты коммуникативно-информативного и/или коммуникативно-организующего уровней речи) характеристик. Двуплановостью конструктивно-синтаксических единиц обусловлен предпринимаемый нами двусторонний подход к возможности их анализа: конструктивно-синтаксический (парадигматический) и синтагматический (с учетом функционально-коммуникативного потенциала).

На первом уровне классификации единицы устной речи подразделяются на две группы: единицы, имеющие синтаксическую форму предложения, и единицы непредложенческого (синтаксически нечленимого) типа. Сопоставим основные дифференциальные признаки единиц указанных групп в рамках четырех аспектов анализа.

Первый аспект анализа – **структурно-семантический**. Сначала обратимся к таким формально-грамматическим признакам, как синтаксическая членимость единиц, способность к распространению и формоизменению. Предложение, соотносясь с классом ситуаций, выступает как знак. Общему замыслу соответствует определенная структура, "обеспечивающая адекватность его воплощения" (Б.Ю. Норман). Структура характеризуется как парадигматической системой форм, так и синтагматическими вариантами реализации. "Не случайно предложение в норме многочленно: это естественное отражение многокомпонентности референтной ситуации и сложности (комплексности) замысла. Можно полагать, что и основные черты организации высказывания закономерно отражают отношения между реалиями внешнего мира" [Норман 1994: 118].

Понятие структуры обычно связывают с наличием компонентов и отношений между ними, но понятие определенной структуры, каковой является предложение, обуславливает и определенные отношения между компонентами. Структурированность создается наличием устойчивых позиций, которые находят свое отражение в грамматической модели (схеме) предложения. Соответствие грамматической модели предполагает членимость предложения, которая обнаруживается в валентных свойствах и членов предложения, и предложения в целом. Показателями ее служит не только выделение членов предложения, занимающих ту или иную позицию, но также способность структуры к распространению и формоизменению (наличию парадигмы).

В устной речи разговорного характера частотны переходные между членимыми и нечленимыми устойчивые модели: *Я тебе покричу / посмеюсь / поболтаю!; Нет чтобы помолчать / помочь!* и т.п. Как указывают исследователи, частично членимыми (следовательно, лексически проницаемыми, синтаксически распространяемыми) оказываются высказывания, реализующие фразеосинтаксические схемы, так как они отличаются сочетанием устойчивой и свободной части [Меликян 2002: 116].

Единицы непредложенческого типа не соответствуют определенным грамматическим и семантическим моделям, так как не являются знаками обобщенных ситуаций. Вследствие этого отсутствует синтаксическая членимость, способность к распространению и формоизменению: *Как бы не так! Ни за что! Еще чего! Ну и ну!* (см. табл. 1). По этой причине, по мнению авторов "Русской грамматики", грамматическое описание высказываний – не грамматических предложений – не может быть осуществлено [РГ–1980, II: 419]. При исследовании нечленимых единиц в научной литературе наблюдается терминологическое разнообразие: слова-предложения, релятивы, грамматически не оформленные высказывания, стационарные высказывания, фразоиды, сентенсоиды, коммуникативы, коммуникемы и др., что отражает не только разные подходы ученых, но и диффузный характер таких единиц.

Свойство членности неотделимо от активного отношения говорящего к речи. В процессе речи он создает высказывание, отбирая языковой материал и комбинируя его в соответствии с речевыми интенциями. Грамматические и семантические структуры исчисляемы, стандартизованы и воспроизводимы, а “набор и последовательность всех словоформ в каждой конкретной позиционной схеме, как правило, уникален” [Попова 1996: 262].

Напротив, свойство нечленности единицы обуславливает ее стандартизованность и регулярность. В силу того что нечленные формулы воспроизводятся, а не производятся, фактор спонтанности не оказывает на них деформирующего воздействия. В противоположность активному, творческому отношению говорящего к речи в данном случае можно говорить о значительном автоматизме и конвенциализации, что способствует экономии усилий как при производстве высказывания, так и при его декодировании слушающим.

В рамках первого аспекта анализа в качестве дифференциальных признаков рассмотрим далее возможности реализации категории предикативности и структурно-семантическую специфику речевых единиц по отношению к языковому инварианту.

Как известно, предикативность – специфический признак предложения. Представляется неадекватной квалификация этой категории как чисто грамматической, так как речь идет об актуализации средствами синтаксиса (а в устной речи и не только средствами синтаксиса) пропозитивного содержания. Построение, не отражающее пропозиции, не является грамматической единицей, т.е. предложением. Следовательно, предикативность должна трактоваться не только как грамматическое (структурное), но и как содержательное свойство предложения. По справедливому замечанию исследователей, “предложение обладает предикативностью в том случае, когда оно в системном аспекте соответствует структуре ситуации, выражает полную пропозицию” [Новоженова 2001: 67]; “...чтобы быть предикативным, предложение должно иметь соответствующую форму и соответствующее значение” [Левицкий 1995: 85]. По утверждению В.С. Юрченко, предикативность создается единством содержательных и формально-предикативных компонентов предложения: а) *синтаксического* (соотношения элементов структуры предложения на линейной оси реального времени); б) *семантического* (означаемого минимальной структурной схемой предложения) и в) *модального* (отношения содержания предложения к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего). Выделенные компоненты, по мнению ученого, синтезируются категорией предикативности [Юрченко 1983: 54].

Предложенческие структуры предикативны, поскольку в них выражается соотносительность “высказанного содержания к реальной действительности” [Виноградов 1954: 12]. Единицы не предложеского типа, функционирующие как реактивные реплики, следует квалифицировать как непредикативные на том основании, что они не имеют пропозитивного содержания, не являются членами парадигмы, не обладают пространственно-временной локализацией.

Рассматривая структурно-семантическую специфику исследуемых единиц по отношению к языковому инварианту, нужно ввести понятие *модификации*. Модификация единиц устной речи – это процесс и результат речевого варьирования языкового инварианта. Речевые единицы предложенческого типа либо соответствуют определенной грамматической модели, либо подвергаются структурной модификации. В результате разнообразных модификаций структуры речевых единиц в устной речи функционируют типизированные разговорно-литературные построения, а также слабооформленные (“грамматически невыдержанные” – О.А. Лаптева, с “синтаксической аритмией” – И.Н. Кручинина), оборванные и т.п.: (на остановке троллейбуса) *Подождем на девятке //* = Не поедem в этом переполненном троллейбусе, а подождем троллейбус 9-го маршрута; *Кому мне... эти билеты девать куда?; Что теперь быть?* = Что теперь делать? + Как быть? и т.п.

Структурно-семантическая организация

Дифференциальные признаки	Тип по структуре	
	Предложенческая	Непредложенческая
Формальная организация		
• Соответствие инвариантной грамматической модели	+	–
• Синтаксическая членимость	+(+)	–
• Способность к распространению	+	–(+)
• Способность к формоизменению	+	–
Реализация категории предикативности	+(+)	–
Структурно-семантическая специфика единицы по отношению к языковому инварианту		
• Соответствие языковой грамматической и семантической модели	+	–
• Модификации		
> структурные	+	–
> семантические	+	–
• Воспроизведение клишированной формулы	–	+

Примечание. (+) – ослабленный, непоследовательный признак.

Единицы предложенческого типа могут подвергаться в речи и семантическим (функциональным) модификациям. Так, в последнее время нарастает тенденция использования содержательных структурированных единиц в качестве конвенционализированных речевых формул: *Позванивай! Увидимся! Услышимся! Оставайтесь с нами! Спасибо что остались с нами //* и т.д. При этом происходит ослабление (снятие) реального семантического содержания, поэтому можно говорить о семантической (функциональной) модификации единиц предложенческого типа. Мгновенному тиражированию таких фатических формул способствуют современные СМИ, стремящиеся к созданию атмосферы взаимопонимания, к регуляции психологического состояния аудитории, к подчеркиванию неофициальности.

Единицы непредложенческого типа, в большинстве своем речевые узуальные образования, не соотносятся с языковыми грамматическими и семантическими моделями, что можно считать их дифференциальным признаком (см. табл. 1). Как клишированные формулы, они прочно увязаны с типичными ситуациями общения (например: *Да ну!* – в ситуации выражения отрицания и *Да ну!* с другим интонированием – в ситуации выражения удивления).

Второй аспект анализа – логико-семантический. Обратимся к таким дифференциальным признакам, как отражение единицей пропозитивного содержания, соотношение с логическим суждением, диктумно-модусные смыслы. Денотативная и сигнификативная семантика предложения, воплощенная в конкретных формах, составляет его информативное содержание. Содержательная природа предложения связана с отражением им определенной пропозиции. “Пропозиция” [Арутюнова 1976: 21–39] трактуется исследователями как способ концептуализации (моделирования) человеком окружающей действительности в предложении, как результат интерпретации недискретного человеческого опыта, выделения в нем дискретных элементов, подведение их под определенные понятийные катего-

рии [Кобозева 2000: 248]. В более узком смысле пропозиция представляет собой предметно-аргументативную, или реляционную, структуру, изоморфную структуре внеязыковой ситуации и объединяющую денотативное и сигнификативное значение. По мнению исследователей, ситуация (событие) в представлении говорящего существует как минимум в трехмерном пространстве. Процесс предикации представляется как акт “разрушения” (точнее, на наш взгляд, – трансформации, преобразования) многомерной пропозиции, поскольку “посредством этого процесса пропозиция линейризуется, т.е. ее элементы линейно выстраиваются, благодаря чему становится возможным акт коммуникации” [Манаенко 2002: 69–70].

Необходимость анализа соотношения речевой единицы с логическим суждением обусловлена тем, что это позволяет, “с одной стороны, отграничить предложение от других языковых единиц (не предложений), а с другой – отождествить, подвести под единое понятие такие речевые построения, которые соответствуют элементарным коммуникативно-мыслительным актам” [Дегтярев 2002: 270].

Синтаксическая структура предложенческой единицы определяется расчлененностью мысли, отражающей расчлененность реальной действительности. Инвариантом субъектно-предикатного членения единицы является выраженность в ее семантико-синтаксической структуре субъекта (в прямой или косвенной форме) и предиката: *Она будет играть в театре // Мне грустно //*. Вариативность такого членения наблюдается в единицах, характеризующихся дополнительной формой выражения семантического субъекта (например, посредством флексии сказуемого: *Напиши-у письмо //*), нерасчлененностью субъекта и предиката (*Дождь // Смеркается //*), а также в описанных нами случаях, когда субъект и предикат “растворены” в коммуникативной ситуации (тост: *За здоровье!*) (см. [Андреева 2002]).

Следовательно, в предложенческих структурах субъектно-предикатное членение может выступать не только как постоянный, но и как непостоянный (т.е. ослабленный, непоследовательный) признак. В целом же единство языка и мышления обуславливает взаимосвязь языковых и логических единиц, что и характеризует предложение как содержательную структурированную единицу языка – речи.

В отличие от основных синтаксических единиц языка, представляющих собой аналоги логических категорий (слово – понятие, предложение – суждение), предложенческие структуры не соотносятся с суждением (*Еще бы! Конечно!*). Это можно считать дифференциальным признаком речевых единиц непредложенческого типа.

Как известно, анализ логики обыденного мышления привел к убеждению, что в высказывании должны последовательно выделяться две зоны смысла: диктум и модус. Единицы предложенческого типа описывают диктумную пропозицию, благодаря чему “воссоздают образы целостных событий, являются описанием положения вещей” [Кацнельсон 1972: 153]. Для диктума характерно эксплицитное выражение. Модус, представленный четырьмя типами категорий (метакатегории, актуализационные, квалификативные, социальные)¹, выражается как эксплицитно, так и имплицитно. Он может выступать как вторичный по отношению к диктуму: *А. Пока мы оттуда вернемся... – Б. Да / это поздно уже будет //*. Присутствие диктумных и модусных смыслов в предложенческих структурах – это дифференциальный признак этих единиц.

Если содержание предложенческой единицы “сохраняет живой контакт с действительностью” (С.Д. Кацнельсон), то содержание единиц не-предложенческого типа характеризуется живым контактом с конситуацией. Существуют разные точки зрения относительно наличия диктумного смысла в структурно нечленимых высказываниях. Вряд ли можно согласиться с положениями исследователей о том, что нечленимые высказывания выражают “цельную, не расчлененную на отдельные понятия мысль” [Киприянов 1968: 8], обладают “вполне определенным, конкретным содержа-

¹ См. [Шмелева 1995: 13].

Логико-семантическая организация

Дифференциальные признаки	Тип единицы по структуре	
	Предложенческая	Непредложенческая
Отражение пропозитивного содержания	+	–
Соотношение с логическим суждением	+(+)	–
Диктумно-модусные смыслы		
• диктум	+	–
• модус	+	+

нием (предметом речи), ...способны иметь первичное значение, понятное и вне контекста” [Меликян 2002: 37]. Являясь феноменами речевого уровня, большинство однокомпонентных нечленимых единиц мотивировано ситуацией общения и контекстом, вне которых они полифункциональны. Для многих из них абстрактное значение конкретизируется, полифункциональность в результате актуализации элементов конкретной ситуации снимается: *А. Подстричься бы надо!* – *Б. Да ну!* – *А. Ну попозже тогда //*. Но при этом, видимо, можно говорить о закономерности: когда у непредложенческой единицы вырабатывается абстрактное значение, она приобретает статус языковой единицы. Последующая фиксация ее в словарях и разговорниках дает основание считать, что речевое функциональное значение превратилось в языковое функциональное значение (*Да* – выражение согласия, *Нет* – выражение несогласия).

В целом же можно говорить о наличии у единиц непредложенческого типа функционального значения обобщенного характера и отсутствии конкретного информативного содержания. Справедливым представляется вывод о том, что приобретение непредложенческими единицами пропозиционального прочтения возможно в том случае, когда диктумный смысл передается анафорически, путем отсылки к препозитивному контексту (см. [Колокольцева 2001: 119]). Таким образом, они отличаются неноминативностью или десемантизованностью компонентов, нерасчлененно передают реакцию говорящего, обладая только модусной составляющей, содержание которой определяется категорией “отношения” (см. табл. 2).

Третий аспект анализа – функционально-коммуникативный. В рамках этого аспекта рассмотрим следующие дифференциальные признаки: степень коммуникативной самодостаточности единицы, коммуникативная членимость и функции в речи.

По степени коммуникативной самодостаточности речевые единицы предложенческого и непредложенческого типа делятся нами на три группы. Автосемантические единицы самостоятельны, так как их коммуникативная самодостаточность обусловлена лексико-грамматически (*На какое число у тебя билеты в театр?*). Синсемантические единицы зависимы от лингвистических и экстралингвистических компонентов речевого акта. Они приобретают коммуникативную устойчивость: 1) в составе более сложной единицы (*Я так рада была / что вы пришли //*); 2) на фоне определенной ситуации при соответствующем интонационном оформлении (*Да ну! Что ты!*). Наряду с автосемантическими и синсемантическими нами выделяются речевые единицы, которые мы условно назовем “син-автосемантические”. К группе син-автосемантических относятся: 1) формально несамостоятельные единицы в связи с наличием показателей “зависимой включенности” в более крупное образование, однако функционирующие как отдельные высказывания (*А. Почему не надела новое?* – *Б. Поэтому что не отгладила его //*); 2) фатические маркеры в информативном высказывании, ра-

Функционально-коммуникативная направленность

Дифференциальные признаки	Тип единицы по структуре	
	Предложенческая	Непредложенческая
Степень коммуникативной самодостаточности		
• Автосемантичность	+	–
• Синсемантичность	(+)	+
• Син-автосемантичность	(+)	–
Коммуникативная членимость	+(+)	–
Коммуникативные функции		
• Информативная	+	–
• Речеоорганизующие		
> социально-регулятивная	(+)	+
> оценочно-реактивная	(+)	+
> контактоподдерживающая	(+)	+

Примечание В таблице для указания на представленность в единице темы и ремы используем знак +, на представленность одной ремы – знак (+).

ботающие на привлечение внимания и психологическую синхронизацию (*Представь /еду я в двойке...; Она знаешь /как мне ответила!; Илюшка понимаешь / не хочет ничего //*). Коммуникативная устойчивость син-автосемантических единиц поддерживается контекстным окружением и суперсегментными средствами.

В аспекте актуального членения каждая предложенческая единица членится на тему и рему (*Ребенок заболел //*), при этом тема может быть лексически не выражена. Нулевая тема означает, что речевая единица имеет констатирующее общефактическое значение: *Наступила осень //*; *Послышались шаги //*. Синтаксическая членимость такого рода единиц противоречит их “логической монолитности”. В устной речи функционируют также речевые единицы с так называемой “неингерентной темой”, т.е. не входящей в состав самого предложения, а содержащейся в контексте или ясной из ситуации речи [Баранов, Кобозева 1983]: *Проветрить надо!* (тема, или исходный пункт сообщения по В. Матезиусу), следует из экстралингвистического условия – душно в помещении); (звонок в справочную АТС) *Гостиница “Олимпия” //* (в связи с конкретной ситуацией запроса информации возможна моноремная единица). Частотность речевых фактов с неингерентной темой согласуется с утверждением о том, что “рема – это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно... тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью” [Янко 1999: 30].

Наличие моноремных предложенческих единиц не противоречит принципу бинарности актуального членения, так как нулевая тема означает, что весь состав предложенческой единицы рематичен и содержание ремы мыслится отнесенным к действительности [Крылова и др. 1997: 72].

Синтаксическая и коммуникативная нечленимость (целостность) не-предложенческих структур обусловлена их логико-семантической спецификой: отсутствием субъектно-предикатной членимости (*Ни за что! Увы! Вряд ли //* и т.п.) (см. табл. 3).

Рассмотрим коммуникативные функции речевых единиц. Основная функция единиц предложенческого типа заключается в передаче адресату фактуальной ин-

формации. Под фактуальной информацией мы подразумеваем все то, что пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в данный момент. Локутивное значение предложения-высказывания складывается из денотативных и/или сигнификативных значений его компонентов, следовательно, единица в целом обладает конкретным информативным содержанием. В результате семантических (функциональных) трансформаций предложенческие структуры получают возможность выполнять и речеорганизующие функции (социально-регулятивную, оценочно-реактивную, контактоподдерживающую): (в конце разговора по телефону) *Целую тебя / обнимаю!*; (входя в помещение) *Ох как вы тут отремонтировали!*; (из телеречи) *Включите канал НТВ / и мы будем с вами!*

Единицы не предложенческого типа, будучи неинформативными в содержательном плане, выполняют такие речеорганизующие функции: социально-регулятивную (социального регулирования), оценочно-реактивную (“ментально-эмоционального реагирования”), контактоподдерживающую (включая метатекстовую). Социально-регулятивная роль этикетных формул заключается в самом факте их появления в определенных ситуациях (*Здравствуйте! Спасибо! Благодарю!*).

Широкое функционирование оценочно-реактивных реплик, выражающих “речевую интенцию говорящего и ментально-эмоциональное отношение к предмету речи” [Шаронов 1996: 90], обусловлено действием принципов автоматизма речи и экономии речевых усилий, что обеспечивает “оперативное реагирование” на речевую или актуальную экстралингвистическую ситуацию.

Речевые единицы с контактоподдерживающей функцией гармонизируют интерактивное взаимодействие коммуникантов. Часть этих средств выполняет важную прагматическую функцию заботы об адресате, в частности облегчения процесса восприятия адресатом поступающей информации. Другая часть подготавливает собеседника к восприятию последующей фактуальной информации, обеспечивая активность слушателя; осуществляет речевое “поглаживание” собеседника; служит целям психологической синхронизации. Даже чисто фатические высказывания, десемантизированные, референтно не соотнесенные, содержат в себе информационный заряд в виде сведений как об общей тональности общения, взаимоотношениях собеседников, так и о конкретных намерениях слушающего сохранить за говорящим речевую инициативу или “перехватить” ее.

Из сказанного следует, что единицы непредложенческого типа несут в себе так называемую коммуникативную информацию, отражающую взаимодействие между автором речи и ее адресатом и, следовательно, направленную на организацию общения. Как разнovidность коммуникативной информации мы рассматриваем и фатическую составляющую речи. Можно говорить о том, что эти единицы являются компонентами “коммуникативно-организующего каркаса” дискурса². Речеорганизующие функции считаем дифференциальным признаком непредложенческих единиц (см. табл. 3).

Таким образом, введенное нами понятие конструктивно-синтаксической единицы позволяет “охватить” как предложенческие, так и непредложенческие структуры. Можно ли объединить их в поле с единым ядром? Положительный ответ на этот вопрос дает В.Ю. Меликян. Исследователь нечленимых структур полагает, что коммуникема представляет собой свернутый репрезентант предложения. Как нерасчлененная мысль базируется на расчлененной, логически из нее вытекает, так и нечленимые предложения основываются в конечном итоге на членимых [Меликян 2002: 20]. Отрицательный ответ следует из позиции Г.Ф. Гавриловой и Е.К. Кожиной, которые считают применение термина “предложение” по отношению к нечленимым структурам, а следовательно, и определение их как особого типа простых предложений (пусть и нечленимых), недостаточно корректным. По их мнению, коммуникативы являются

² Ср. понятие этикетного каркаса дискурса в работе Н.Г. Тырниковой [Тырникова 2003: 60].

самостоятельной единицей синтаксиса, особым типом высказываний, независимым от системы предложений [Гаврилова, Кожина 2002: 57].

Проведенный нами анализ дает возможность предположить наличие двух ядерных единиц синтаксического поля: первая – предложенческого типа, формирующая коммуникативно-информативную зону устной коммуникации, вторая – не предложенческого типа, формирующая коммуникативно-организующую зону. Единицы в форме предложения функционируют в письменной и устной речи, но частотность конкретных реализаций является различной. Непредложенческие единицы присущи прежде всего устной речи и лишь частично отражены в письменной.

Таким образом, на первом уровне классификации таксономия представляет собой дихотомию единиц предложенческого и не предложенческого типа. Поскольку конструктивно-синтаксические единицы устной речи специфичны и разнообразны, необходима их дальнейшая таксономия. В связи с этим остановимся на таком важном для классификации второго уровня признаке, как “особенности реализации категории предикативности”.

В литературе указывается на множественность способов реализации данной категории. Она может быть выражена в единице формально-грамматически (*Целый день льет дождь //*), конструктивно-синтаксически (*С утра дождь // Ни огонька // Чайку бы! //*), интонационно-синтаксически (*Дождь // Дождливо! //*). Интонационно-синтаксическим способом выражения предикативности характеризуются речевые единицы на основе типизированных литературно-разговорных построений (*Пока она соберется...; Я тебе посмеюсь!*).

Реализация категории предикативности в единицах устной речи имеет гетерогенный характер. Именно в устной речи на синтаксическом уровне данная категория может не иметь адекватного материального выражения. Об эксплицитной предикативности можно говорить тогда, когда данная категория реализуется либо в самой единице (с помощью сегментных или суперсегментных средств выражения), либо в контекстном окружении. Во втором случае речевая единица получает предикативный признак, “отраженный” от контекстного окружения, т.к. на нее распространяются предикативные характеристики, заданные контекстуально: А. *Кефирчик вытешь?* – Б. *Кефирчик с удовольствием //*. Замечание о возможности контекстуального характера предикативности находим у Г.В. Валимовой: “...Мы встречаемся с двумя типами значений: абсолютное значение (т.е. по отношению к действительности) и относительное (по отношению к компонентам контекста и только в конечном результате – к действительности)” [Валимова 1988: 29].

Имплицитная предикативность свойственна единицам, характеризующимся “предречевой ориентированностью в общении”: (в магазине) *Два пакета молока //*; (в банке) *Выписки 3726 //*. В таких случаях сама ситуация запроса информации является неязыковым средством, позволяющим соотнести содержание высказывания с реальной действительностью.

Предикативность, реализующаяся через грамматические показатели, в речевых единицах может оказаться только формальной. Ср.: *Слушай! ты не знаешь...*; (из речи радиоведущих) *Ловите нашу волну!; Будьте здоровы! Догоняйте нас на радиоволнах Ваших радиоприемников!;* (из речи телеведущих) *Не переключайтесь!* Предикативно оформленное определенно-личное предложение “Слушай” по своему коммуникативному назначению – инициальная фатическая реплика. У нее нет информативного компонента, она не член модальной парадигмы предложения, ее предикативность формальна. “Призыв” радиоведущего “Ловите нашу волну!” обращен к тем, кто уже “поймал” волну данной радиостанции, следовательно, информативный компонент функционально угнетен. Семантически опустошены и другие приведенные фатические реплики. Нельзя сводить предикативность к парадигме форм, не учитывая наличия / отсутствия информативного содержания, поскольку, с одной стороны, категория предикативности может не иметь эксплицитного выражения в речевых единицах, а с другой стороны, при грамматической выраженности данной категории в семантичес-

ки опустошенных единицах можно говорить только о формальной, но не о реальной предикативности.

Говорящий, выполняющий информативную задачу, использует речь для передачи или обмена информацией при помощи семиотической ценности языковых элементов, из которых она составляется, в то время как говорящий, выполняющий фатическую задачу, использует в качестве коммуникативно-семиотической ценности саму речь [Винокур 1993а: 6]. Таким образом, формальная предикативность свойственна предложенческим единицам, которые характеризуются "особым типом семантичности, основывающимся не на отношениях между означающим и означаемым, а на самом факте произнесения знака" [Винокур 1993б: 16].

На втором уровне классификации выделяется пять типов конструктивно-синтаксических единиц (далее КСЕ) на основе следующих дифференциальных признаков: коммуникативная самодостаточность единицы, особенности реализации категории предикативности, диктумная (пропозициональная) и модусная составляющие, синтаксическая и коммуникативная членимость, соответствие грамматической модели, характер передаваемой информации, функциональная направленность.

Первый тип – типичная предикативная единица – это автосемантическая (реже синсемантическая / син-автосемантическая) КСЕ с эксплицитной предикативностью, сочетающая диктумные (пропозициональные) и модусные смыслы, синтаксически и коммуникативно членимая, реализующая инвариантную грамматическую модель (возможна системная или контекстуальная неполнота), несущая фактуальную информацию, выполняющая информативную функцию: (1) *Завтра обещают дождь* //; (2) *Я слышал / (что) завтра обещают дождь* //; (3) *А. Когда встречаемся? – Б. Только когда она приедет* //; (4) *А. Я нормально поработала над статьей* // – *Б. А я слабоватенько...* Приведенные примеры иллюстрируют: автосеманτικότητα (1), синсеманτικότητα (2, 4), син-автосеманτικότητα (3) предикативных единиц; реализацию единицами языковых грамматических моделей, сочетание диктумных и модусных смыслов, представление фактуальной информации, выполнение информативной функции – во всех случаях.

Второй тип – структурно модифицированная предикативная единица. Это синсемантическая КСЕ с эксплицитной и/или имплицитной предикативностью, сочетающая диктумные и модусные смыслы, базирующаяся на синтаксически модифицированной грамматической модели (типизированное разговорно-литературное построение, слабооформленное, оборванное), несущая фактуальную информацию, выполняющая информативную функцию: (5) *Вот этот вот термин / он введен мною* //; (6) *А. Пошли / поворотник* // (= Можно переходить дорогу, потому что водитель машины включил поворотник и повернет) – *Б. Ну ты и глазастая!*; (7) (в аптеке) *Панангин* //. Это модифицированные предикативные единицы: конструкция с именительным темы (5); формально неадекватное, включающее вербальные компоненты, семантико-синтаксическая связь между которыми опосредована несколькими незамещенными позициями (6); предельно редуцированное построение, в котором вербализован только предмет востребования, остальная часть конструкции семантизируется ситуационно (7). Все КСЕ предикативны, но характеризуются разными способами оформления предикативного значения: (5) – эксплицитной предикативностью, выраженной формально-грамматически; (6) – сочетанием эксплицитной (формально-грамматической) и имплицитной (ситуативной) предикативности; (7) – только имплицитной (ситуативной) предикативностью, поскольку ситуация запроса информации о лекарственном препарате выступает неязыковым средством выражения предикативности.

Третий тип – семантически (функционально) модифицированная предикативная единица (коммуникатив с формальной предикативностью) – это синсемантическая или син-автосемантическая КСЕ с эксплицитной, но всегда формальной предикативностью, с функционально активизированной

модусной и функционально угнетенной диктумной составляющей, реализующая инвариантную синтаксическую модель, однако несущая только коммуникативную информацию и соответственно выполняющая только речеорганизующие функции: (8) (по телефону) *А. До свидания дорогая! – Б. Целую тебя!*; (9) *Так что вы думаете? Этот альбом у нее сохранился!*; (10) (из речи телеведущего) *Мы обязательно встретимся в следующей передаче!*; (11) (обращаясь к входящему в комнату) *Пришел?*; (12) *Вообрази / идущая вчера по проспекту / вижу...;* (13) *Она мне ничего не отдала / представляешь?* КСЕ (8–11) функционируют как самостоятельные коммуникативные единицы; (12, 13) – в составе информативных высказываний в качестве сегментов, играющих роль фатических маркеров. Коммуникатив с формальной предикативностью реализует языковую грамматическую модель, однако это и не предложение, и не коммуникатив в их обычном понимании. У КСЕ этого типа, несмотря на их эксплицитную предикативность, выраженную формально-грамматически, информативный компонент и диктумная составляющая функционально угнетены: (8, 10) приближаются к статусу клишированных этикетных формул; (9, 12) подготавливают собеседника к восприятию последующей информативной части высказывания, обеспечивая “активного слушателя”; (11) используется для установления контакта; (13) позволяет говорящему апеллировать не только к вниманию собеседника, но и к его чувствам. Следует отметить, что, по сравнению с собственно коммуникативами, функционирующими в качестве контакторечевых стереотипов, коммуникативы с формальной предикативностью являются более свободными, а следовательно, менее устойчивыми по лексическому наполнению.

Четвертый тип – предикативно-релятивная единица (гибридный коммуникатив) – это автосемантическая или синсемантическая КСЕ с эксплицитной или имплицитной предикативностью, с доминирующей модусной и ослабленной диктумной (пропозициональной) составляющей, реализующая инвариантную грамматическую модель (в ее эллиптизированном виде), несущая как фактуальную, так и коммуникативную информацию, поэтому сочетающая информативную и речеорганизующие функции: (14) *А. Как твои? Привет им! – Б. Спасибо //*. В эллиптических вариантах предложений *Как твои?* (в полной форме: *Как твои близкие проживают / чувствуют себя?*) и *Привет им!* (Передавай им привет!) фатическая составляющая доминирует над информативной. Вопросительное высказывание – это фактически не запрос информации о состоянии дел и здоровья, а этикетная формула выражения внимания, участия, о чем свидетельствуют как последующая реплика, так и реакция собеседника. (15) *А. Пока! – Б. До завтра!* Информативное содержание здесь сохраняется (Расстаемся до завтра – до определенного срока). Однако фактически это формула прощания, поэтому можно говорить о том, что фатическая составляющая усилена, а информативная ослаблена. В гибридном коммуникативе наблюдается “синкретизм эллиптического варианта предложения и непредикативного коммуникатива” [Сиротина 1999: 40].

Пятый тип – релятивная единица (собственно коммуникатив) – это синсемантическая непредикативная синтаксически и коммуникативно нечленимая КСЕ, выражающая модусные смыслы, несущая только коммуникативную информацию, выполняющая речеорганизующие функции: (16) *А. Пока! – Б. Ну давай!* В данных реактивных единицах, лишенных членимости и предикативности, фатический компонент покрывает все высказывание.

Представленная типология КСЕ позволяет сделать следующие выводы. 1. Коммуникативно-информативную зону формируют КСЕ предикативного типа – типичные и структурно модифицированные предикативные единицы. 2. Компонентами коммуникативно-организующей зоны являются КСЕ релятивного типа – собственно коммуникативы. 3. Между указанными зонами возможны наложения, взаимодействия, в результате чего появляются переходные единицы – семантически модифицированные (коммуникативы с формальной предикативностью) и предикативно-релятивные (гибридные коммуникативы). Нежесткий характер языковой системы проявляется в гиб-

Типология конструктивно-синтаксических единиц

Аспекты анализа	Зоны общения и типы КСЕ Дифференциальные признаки	Коммуникативно-информативная зона		Переходная зона		Коммуникативно-организующая зона
		Типичные предикат. единицы	Структурно-модифиц. предикат. единицы	Семантич. (функц.) модифиц. пред. ед.	Предикат.-релятивные единицы (гибр. ком.)	Релятивные единицы (собств. коммуникативы)
Структурно-семантический	Соответствие грамматической модели					
	• инвариантная модель	+	-	+	+	-
	• типизированное литературно-разговорное построение	-	+	-	-	-
	• слабооформленное	-	+	-	-	-
	Несоответствие модели	-	-	-	-	+
	Категория предикативности					
	• эксплицитная	+	+	+	(+)	-
	• имплицитная	-	+	-	+	-
	Структурно-семантическая специфика					
	• Соответствие языковому инварианту	+	-	-	+	-
	• Модификации					
	➢ структурные	-	+	-	-	-
	➢ семантические (функциональные)	-	-	+	(+)	-
Логико-семантический	Клиширован. формула	-	-	(+)	-	+
	Характер передаваемой информации					
	• фактуальная	+	+	-	(+)	-
	• коммуникативная	+	+	+	+	+
	Отражение пропозитивного содержания	+	+	-	(+)	-
	Диктумно-модусные смыслы					
Функционально-коммуникативный	• диктум	+	+	-	(+)	-
	• модус	+	+	+	+	+
	Степень коммуникативной самодостаточности					
	• автосемантичность	+	+	+	(+)	-
	• синсемантичность	(+)	+	+	+	+
	• син-автосемантичность	(+)	-	+	-	-
	Коммуникативные функции					
	• информативная	+	+	-	(+)	-
	• речеорганизующие	-	-	+	+	+

кости ее средств и обуславливает совмещение признаков предложения и признаков коммуникатива в синкретичных единицах³. Выделение ядерных и синкретичных (переходных) КСЕ является ярким свидетельством диффузности и континуальности двухсущностного единства язык – речь, отражает “текучесть” формы и содержания, динамику их взаимодействия (см. обобщающую табл. 4).

Можно говорить о том, что практически по всем рассмотренным дифференциальным признакам выстраивается шкала: между типичной предикативной единицей и коммуникативом располагаются единицы с различной степенью проявления данного признака.

1. Грамматическая членимость: максимально членимые предложенческие структуры – частично членимые фразеологизированные предложенческие структуры – нечленимые структуры.

2. Диктумно-модусные смыслы: диктумная пропозиция и модусная составляющая в предложенческих структурах – элементы пропозиционального содержания в гибридных коммуникативах – приобретение непредложенческими единицами пропозиционального прочтения – только модусная составляющая в собственно коммуникативах.

3. Категория предикативности: реализация предикативного значения в предложенческих структурах – распространение на речевую единицу предикативных характеристик, заданных контекстуально или ситуативно – формальная предикативность в предложенческих структурах – отсутствие предикативности в непредложенческих структурах.

4. Характер передаваемой информации: фактуальная информация в предложенческих структурах – сочетание фактуальной и коммуникативной информации в гибридных коммуникативах – только коммуникативная информация в предложенческих структурах (коммуникативы с формальной предикативностью) – только коммуникативная информация в непредложенческих структурах (собственно коммуникативы).

5. Соотношение с инвариантной грамматической и семантической моделью: соответствие предложенческих структур инвариантным моделям – структурная или семантическая (функциональная) модификация в предикативных единицах (коммуникативы с формальной предикативностью) – несоответствие непредложенческих структур грамматической и семантической модели (собственно коммуникативы).

Проанализированный материал дает возможность соотнести употребляемость того или иного типа КСЕ с определенными сферами устной и письменной речи, но это выходит за рамки данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева 2001 – С.В. Андреева. Аспекты анализа коммуникативных единиц текста // Текст. Структура и семантика. Доклады VIII-й Международной конференции. Т. 2. М., 2001.
- Андреева 2002 – С.В. Андреева. Типы коммуникативных знаков в русской речи // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2002.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Баранов, Кобозева 1983 – А.Н. Баранов, И.М. Кобозева. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // ИАН СЛЯ. 1983. № 3.
- Валимова 1988 – Г.В. Валимова. Система вопросительных предложений // Синкретизм семантики синтаксических единиц. Ростов-на-Дону, 1988.
- Виноградов 1954 – В.В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // ВЯ. 1954. № 1.
- Винокур 1993а – Т.Г. Винокур. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

³ О синкретичных единицах подробнее см. [Андреева 2001].

- Винокур 1993б – Т.Г. Винокур. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Гаврилова, Кожина 2002 – Г.Ф. Гаврилова, Е.К. Кожина. Коммуникативы в системе синтаксиса: коммуникативы и предложения // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного. Ростов-на-Дону, 2002.
- Дегтярев 2002 – В.И. Дегтярев. Вопросы общей грамматики. Ростов-на-Дону, 2002.
- Кацнельсон 1972 – С.Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Киприянов 1968 – В.Ф. Киприянов. Нечленимые предложения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
- Кобозева 2000 – И.М. Кобозева. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Колокольцева 2001 – Т.Н. Колокольцева. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.
- Крылова и др. 1997 – О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. М., 1997.
- Лаптева 1984 – О.А. Лаптева. Синтаксическая дискретность устного монологического текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Лаптева 1999 – О.А. Лаптева. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 1999.
- Манаенко 2002 – Г.Н. Манаенко. О предикации // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Вып. 2. Ставрополь, 2002.
- Меликян 2002 – В.Ю. Меликян. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: Теория нечленимого предложения. Ростов-на-Дону, 2002.
- Новоженкова 2001 – З. Новоженкова. Русское глагольное предложение: Структура и семантика. Слупск, 2001.
- Норман 1994 – Б.Ю. Норман. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Попова 1996 – З.Д. Попова. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- РГ–1980 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
- Сиротинина 1999 – О.Б. Сиротинина. Место предложения в синтаксисе разговорной речи // Предложение и слово. Саратов, 1999.
- Тырникова 2003 – Н.Г. Тырникова. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Шаронов 1996 – В.Н. Шаронов. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. М., 1996.
- Шмелева 1995 – Т.В. Шмелева. Субъективные аспекты русского высказывания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995.
- Юрченко 1983 – В.С. Юрченко. К вопросу о предикативности // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983.
- Юрченко 2000 – В.С. Юрченко. Очерки по философии языка и философии языкознания. Саратов, 2000.
- Янко 1999 – Т.Е. Янко. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // ВЯ. 1999. № 4.